

ЦЕРКОВЬ НА ВОЙНЕ ЗАОКЕАНСКИЙ ФРОНТ

Аннотация. Война в Украине требует от церкви не только оценки, но также радикального самоосмысления и активного участия. Вместо того, чтобы говорить о церкви и войне, стоит задуматься о церкви на войне как о единственно правильном способе ее миссии. Будучи пастором поместной церкви, автор предлагает осмысление непосредственного опыта, наблюдений и переживаний о том, как война в Украине влияет на жизнь и служение славянских евангельских церквей в США, и выделяет десять наиболее актуальных вызовов военного времени: чувство растерянности и беспомощности перед невиданным масштабом зла; разрушительное и разделяющее влияние пропаганды; разделение между теми, кто «там» и «не там»; острый дефицит слов; кризис молитвы; ересь «евангелия умеренного процветания»; катастрофу в отношениях между соседями; ложные формы церковного единства; потребительское отношение к церкви Христа как «нашей церкви»; наивные толкования Библии в отношении «политики». При всей сложности и остроте эти вызовы мобилизуют церковь и открывают новые возможности для ее духовного обновления.

Ключевые слова: церковь, война, политика, миссия, единство, Украина, США.

Annotation. The war in Ukraine requires the church not only to evaluate, but also to radically reflect (on itself) and actively participate. Instead of talking about the church and the war, it is worth looking at the church at war as the only right way of its mission. As a pastor of a local church, the author shares his observations and ruminations about how the war in Ukraine affects the life and ministry of Slavic evangelical churches in the United States, and identifies ten of the most pressing challenges of the current wartime era: a sense of confusion and helplessness in the face of the unprecedented scope of evil; the destructive and divisive influence of propaganda; the division between those who are «there» and «not there»; acute shortage of words; prayer crisis; the heresy of the «moderate prosperity gospel»; disaster in relations between neighbors; false forms of church unity; consumer attitude towards the church of Christ as «our church»; naive interpretations of the Bible in regards to «politics». Despite their complexity and severity, these challenges mobilize the church and open up new opportunities for its spiritual renewal.

Keywords: church, war, politics, mission, unity, Ukraine, USA.

Михаил Черенков – пастор Церкви «Возрождение» (г. Ванкувер), директор по вопросам стратегии в Mission Eurasia, доктор философских наук, автор книг и статей (г. Ванкувер, США).

Война в Украине – видимое проявление глобального и глубинного конфликта. Кем бы мы ни были и как бы далеко не оказались, эта война затрагивает всех нас – лично, информационно, политически, экономически, морально, духовно. Более того, эта война не только затрагивает, но и втягивает нас в себя. В этой войне невозможно оставаться наблюдателем или посторонним, отрицая свою ответственность и повторяя: «Это не моя война, я не там, я не при чем, я вне политики». Каждый, кто узнаёт о происходящем, принимает участие словами, молитвами, финансами, слезами (или же ругательствами, проклятиями, кулаками) и тем самым оказывается на той, или иной стороне глобального и глубинного конфликта. Я называю этот конфликт глобальным, потому что его начала самая большая в мире по площади и ядерному потенциалу держава. Я называю его глубинным, потому, помимо политических и экономических, у него есть культурные, мировоззренческие, духовные измерения, и во время войны духовный характер конфликта проявился во всей полноте – темная, злая, демоническая стихия показала себя без культурных масок и дипломатических улыбок. В конце концов, угрожать всему миру ядерной войной может лишь сумасшедший и/или одержимый. Я вижу признаки и того, и другого. Поэтому происходящее в Украине невозможно понять в категориях обычной политики, здесь нужно видеть религиозно мотивированную агрессию против ближнего, а в лице ближнего – против всего мира, против всего порядка вещей, против Бога. Что это значит для нас как христиан? Это значит, что мы все должны принять войну в Украине как нашу войну – нашу боль, нашу ответственность, нашу возможность переосмыслить себя как церковь и послужить своим ближним.

Я не в Украине и я не военный, я ответственный пастор одной из славянских евангельских церкви США, но с первых же минут российского вторжения в Украину ощутил себя на войне. В тот день наша обычная жизнь закончилась. Что изменилось в нашей личной и церковной жизни, в наших приоритетах, темах, богословских акцентах? Что происходит на нашем участке фронта? Об этом – мои последующие размышления, попытки осмыслить и суммировать в десяти пунктах наш церковный опыт первых двух месяцев этой войны, войны ужасной по жестокости и подлости, масштабу и последствиям. Уверен, что большая часть этих тезисов будет применима не только к церквям диаспоры, так как выражает общие, глобальные тенденции церковной жизни.

Во-первых, с самых первых минут войны нам пришлось столкнуться с чувством беспомощности перед ужасающей силой и масштабом зла. Для верующих людей это чувство довольно хорошо знакомо: мы не можем спасти мир, народы и города; нам остается доверять Богу и делать то, что в нашей власти. Мы знаем, что живем в томительном ожидании Царств Божьего, когда вроде как «уже», но «пока еще нет». Мы понимаем реальность павшего мира, и при этом ожидаем, что в ответ

на наши молитвы Господь будет сдерживать это зло, защищать нас и проявлять Свою власть. Мы находим себя беспомощными, но уповаем на всемогущество Божье. Такую беспомощность можно назвать полезной. Она напоминает о том, что не мы управляем историей, но Бог, и только Бог. Соглашаясь с этим, мы ожидаем от Бога вмешательства, и, если этого не происходит, то мы не знаем, что делать дальше. То есть наша логика веры предельно проста: мы немощны, но Бог всемогущ; поэтому нужно просить Его – и Он поможет, заступится.

В этот раз такая логика не сработала. В этот раз мы должны были верить без понимания логики веры, вопреки всякой логике. В этот раз мы столкнулись с кризисом веры, привычной, типичной, удобной веры. Более того, мы столкнулись с молчанием Бога. Нуждались и молились как никогда ранее. Но война продолжалась и усиливалась. Мне пришлось слышать от других и задавать самому много больных вопросов о молчании и отсутствии Бога, о Его странном поведении и кажущейся беспомощности, о целесообразности молитв, о бесполезности любви к одержимым врагам. Вначале мы молились «Господи, останови эту войну». Затем мы начали молиться: «Дай нам выстоять, умножь в нас веру, сохрани нас от отчаяния».

Во-вторых, мы узнали, что самое страшное оружие массового поражения – это пропаганда. Нам довелось пережить глубокое разочарование в тех родных, друзьях, братьях и сёстрах по вере, которые наблюдали за происходящим вполне спокойно, и даже оправдывали это ссылками на российские СМИ.

Казалось бы, теперь все адепты «русского мира» должны прозреть, протестовать, рыдать от стыда и ужаса. Казалось бы, теперь все всем станет понятно – это же вам не «зеленые человечки» без опознавательных знаков, это сто тысяч солдат регулярной российской армии пересекли границу и вторглись в Украину. Но упорство во лжи оказалось непоколебимым. Люди, которые в 2014 году кричали «Их там нет», в 2022 году спокойно отвечали: «Так нужно, полностью поддерживаем». Войну уже не отрицали, но называли ее «специальной операцией» – так было легче для совести, так все вполне хорошо укладывалось в их картину мира. Такова логика зла – сперва его яростно отрицают, а затем невозмутимо оправдывают.

Мы столкнулись с ужасающей силой неправды. Она поражала умы и сердца людей с невиданной эффективностью. Можно подумать, что верующие люди должны были иметь иммунитет к пропаганде, что у них должна была быть особая чувствительность к различению добра и зла, что у них должен был работать специальный моральный и духовный компас. Увы, оказалось, что можно читать Библию и при этом оправдывать самую жестокую и подлую войну. Почему так? Потому что герменевтические линзы – не оригинальные, не библейские, а пропагандистские.

Да, пропаганда меняет наше отношение к войне, но не только это. Самое страшное, что пропаганда меняет даже наш способ чтения Библии, наше понимание Бога, наши ожидания от Церкви. Вопрос уже не в том, что люди, оправдывающие войну, не читают или плохо читают Библию. Вопрос в другом: как именно они читают, через какую оптику смотрят, в рамках какой картины мира живут?

В-третьих, возникло новое разделение среди верующих людей, очень глубокое, почти непреодолимое – на тех, кто был там, кто прошел через непосредственный опыт войны; и на тех, кто там не был, кто войну не пережил. Это совершенно строгий и даже жесткий, хотя и естественный, критерий. Если в вопросе «ты за или против?» предполагается выбор человека, то в вопросе «ты там был или не был?» выбора чаще всего нет.

Понятно, что люди, которые были «там», видят все иначе – и мир, и церковь. Они по-другому читают Библию, молятся, разговаривают, поют, кушают, одеваются, празднуют. У них другой список и порядок приоритетов. Я ощутил страшную боль от того, что я становлюсь чужим для моих братьев и сестер, оставшихся там, на своей украинской Голгофе. И я знаю, что все наши усилия быть полезными на расстоянии, не отменяют этой глубокой пропасти между «там» и «здесь», между теми, кто прошел ужас войны, и теми, кто смог ее избежать.

Несомненно, опыт войны меняет людей очень быстро и глубоко. Для верующих людей этот опыт может быть ценным в плане личного формирования или трансформирования, подготовки к служению, духовной дисциплины. В этой войне рождаются новые образы и тренды, новые лидеры и богословские идеи украинского христианства. Очень хочется, чтобы мы избежали ненужных споров и конфликтов по вопросам, где кто был или не был, кто сделал больше или меньше, кто кого сильнее и умнее, кто герой и кто не совсем. Хорошо бы обсуждать то доброе, что кто-то сделал или сказал. И не хорошо обсуждать то, что кто-то не сделал или не сказал. Не стоит тратить время на критику того, что уже отжило и не работает, лучше радоваться росткам нового.

Всем понятно, что хотя Украина принимает удар на себя, она не сможет победить без помощи союзников. Подобным образом нужно мыслить и будущее христианства в Украине. Оно будет уникальным, закаленным в огне войны, но при этом открытым к общению и сотрудничеству. Будем надеяться, что и западное христианство использует этот шанс для своего обновления. Тогда, из этого временного разделения, родятся новые формы христианского единства и взаимодействия.

В-четвертых, встретившись с непредставимым ранее разгулом зла, мы не находили слов для описания и объяснения событий, утешения и ободрения потерпевших, обличения и переубеждения оппонентов. Даже в личных беседах ощущался дефицит слов. Еще труднее было проповедовать, и невыносимо сложно было говорить с аполитичными или агрессивными сторонниками «спецоперации».

Мы постоянно думали, переживали, молились о тех, кто остался там. Но у тех, кто «не там», не было права на поучения или советы. Не хотелось отвлекать тех, кто служит под бомбежками. И не хотелось говорить банальные, заезженные фразы.

Слов стало очень мало. Разговаривать – даже с друзьями и единомышленниками – стало сложно.

Наше нынешнее немногословие может свидетельствовать о духовном поиске и смирении перед Богом, отказе от поспешных заключений и терпеливом ожидании слова от Бога. Но что, если в этом немногословии открывается наша неспособность говорить честно, откровенно, по сути, сострадательно, с любовью? Так или иначе, война и послевоенное время потребуют нового словаря, новой манеры и тональности, новых тем и вопросов, новых способов коммуникации. Мы будем говорить о другом и будем говорить по-другому.

В-пятых, нашим основным способом общения стала молитва. С первого дня войны мы стали встречаться вечером в церковном холле для молитвы об Украине. Формат этих коротких встреч был очень простым – чтение короткого текста из Библии (как правило, мы читали Псалмы), молитвы всех желающих, а в конце «Отче наш». Через две недели мы стали добавлять к чтению Писания и молитве краткие свидетельства, благодарности и просьбы.

Изначально пришло понимание, что эта молитва нужна не только нашим братьям и сестрам в Украине, но и нам самим, чтобы мы могли оставаться церковью. Поэтому к молитве об Украине добавлялись молитвы о нашей церкви, особенно о ее единстве и миссии.

Довольно часто возникал вопрос: как нужно молиться? Было важно поощрять искренность, честность, прямоту и простоту, чтобы люди могли выражать свои переживания без страха и смущения. При этом было нужно акцентировать верность, благость, всемогущество Божье.

Вначале мы молились о милости Божьей, которая проявилась бы в прекращении войны, в спасении самых уязвимых категорий гражданского населения. Затем мы молились о силе Божьей для защитников Украины – воинов, пожарников, врачей, волонтеров. Часто вспоминали президента Владимира Зеленского, моля о силах и мудрости для него, но также о его личном духовном возрождении. Молились о самых горячих точках и наиболее пострадавших городах. В таких молитвах было много конкретных имен, деталей, просьб.

Просили также о Божьем вмешательстве в ход военных действий, чтобы Он «закрыв небо» от ракет и бомб. И каждый день молились о служителях евангельских церквей Украины, пробуждении народа, духе покаяния.

Примечательно, что с каждым днем люди становились смелее в своих молитвах, учились выражать себя, называть все своими именами, не

стыдиться эмоций. Ежедневная молитва за Украину стала хорошей духовной школой и практикой, она мобилизовала новых лидеров, меняла настроение людей, атмосферу в семьях и церкви.

В-шестых, обнаружилось, что довольно большое число церковных людей исповедует не Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, но «евангелие умеренного процветания»; не Евангелие креста, но «евангелие без креста», «евангелие удобства». На словах баптистские церкви давно отмежевались от «евангелия процветания» в его крайних формах, но это не значит, что сама его идея была понята и осуждена. По поводу этого было много шума, но мало богословского осмысления. В результате мы стали жертвой новых вариантов той же самой заразы. Так «евангелие умеренного процветания» оказалось самой живучей и распространяющейся ересью нашего времени.

«Евангелие неумеренного процветания» поражало чрезмерно жадных, амбициозных, неумных. «Евангелие умеренного процветания» соблазняет тех, кто довольствуется тем, что имеет; тех, кто не стремится иметь больше любой ценой, но при этом не готов потерять то, что уже имеет, и готов защищать имеющееся любой ценой. Первые хотели иметь больше. Вторые не хотели иметь меньше. Все это разные формы одной и той же ереси. Есть еще одна особенность. «Евангелие неумеренного процветания» акцентировало материальные потребности. «Евангелие умеренного процветания» паразитирует на всем подряд, в том числе на самых высоких ценностях и добрых намерениях.

Любители такого «евангелия» уверены, что делают благое дело, защищают свои души, нервы, семьи, церкви от вызовов войны: «Не нужно говорить о страшном! Евангелие должно успокаивать! Говорите о небе, о вечности. Зачем нам расстраиваться? Зачем нам эти жуткие фотографии? Сколько можно говорить об Украине?».

Этот запрос на удобное евангелие ставит пастора церкви перед сложным выбором: говорить истину или развлекать, нянчить, убаюкивать людей; провозглашать Евангелие или угождать своей аудитории, быть верным Богу или идти на поводу у зала?

Когда мы слышим слова: «Хватит уже о войне, не мешайте нам жить, давайте как раньше», это тревожный звонок. Это печальный знак того, что «евангелие умеренного процветания» стало слишком удобным и привычным для большинства прихожан, и теперь стремиться управлять церковной кафедрой. Вот почему «военное положение» – это шанс для церковного обновления, шанс вернуться к серьезности и глубине, бескомпромиссной вере и честной самооценке.

В-седьмых, вопрос отношений между русскими и украинцами обострился до предела, но не менее глубокое разделение произошло внутри сообществ – на равнодушных и солидарных.

Русские люди разделились на тех, кто стыдится этой войны и заявляет о солидарности с жертвой, и на тех, кто оправдывает эту войну и тем самым поддерживает агрессора. Как оказалось, молчаливых сторонников войны было гораздо больше, чем агрессивных. Их выдавала демонстративная отстраненность, нежелание молиться об Украине, раздражение от упоминания войны.

Все, что хотели «нормальные» украинцы от «нормальных» русских, – услышать слова об осуждении войны и сочувствии к пострадавшим. Но даже этот минимум правды для многих русских людей оказался непосильным бременем, слишком большим неудобством. А те, которые рискнули заявить о солидарности с Украиной, стали изгоями и предателями для своего народа.

Удивительно, но жуткие планы российского президента «денацифицировать» Украину нашли отклик в сердцах многих славян. Как заявил мне один москвич, «Вы сказали на проповеди, что во время этой войны мы все, откуда бы мы не были родом, должны почувствовать себя украинцами. Но это неправильно. Мы же верующие, а значит, мы граждане неба. Среди нас нет украинцев».

На самом же деле, никогда еще разница между украинцами и северными соседями не проявлялась так сильно. Насколько украинцы объединились как народ в защите своей страны и заботе друг о друге, настолько россияне объединились в нападении или оправдании нападения на соседний братский народ. Печально, но это признаки такого размежевания проявляются и в церковной среде.

Здесь мы имеем дело с настоящим духовным преступлением: оправданием преступных планов России по отношению к Украине, лжебиблейским обоснованием геноцида. Те славяне, которые, наблюдая за войной, хранят и оправдывают свое молчание, либо же рассуждают в духе «значит, было за что», соучаствуют в преступлении. Молчание – это форма пассивного соучастия. А перекладывание на украинцев ответственности за войну или гневное обличение в надуманных грехах – это активная форма соучастия, это духовное нападение на ближнего.

Боль страдающих украинцев должна отзываться в сердце каждого русского жгучим стыдом. У тех русских людей, которые хотят быть в одной церкви с украинцами, остается только один путь – решительного и желательно публичного отречения от злодеяний своего народа.

В-осьмых, нам пришлось вновь пережить ценность и при этом хрупкость нашего церковного единства. Сохранить единство церкви во время войны – трудная задача. Не только потому, что в церкви есть люди разных взглядов, народов, языков, культур. Но еще и потому, что само основание единства понимается по-разному или не понимается вообще. Самый легкий путь – это видимое единство, которое достигается молчанием по поводу сложных тем.

Единство, которое ставится выше истины, которое игнорирует боль ближнего, которое запрещает сложные вопросы, которое пахнет равнодушием и веет холодом, убивает церковь. Это единство духовно мертвых людей.

Стоит задать себе вопросы: вокруг чего и на основании чего мы хотим быть едиными? Чем мы готовы пожертвовать ради единства? К каким компромиссам мы готовы и к чему приведет путь таких компромиссов?

Если мы едины во Христе и вокруг Христа, то нарушителем единства будет не тот, кто поднимает сложный вопрос о реакции церкви на вызов войны, но тот, кто своим безразличием поворачивается спиной к страдающему ближнему, а значит и всему Телу Христовому, а значит и к самому Христу.

В-девятых, с началом войны мы стали больше думать о церкви, то есть о том, что значит быть церковью и как оставаться церковью. Что мы можем и должны делать в этих обстоятельствах как церковь? Как часто готовы молиться? Чем готовы делиться? Как проводить служения во время войны? О чем петь и проповедовать? Что и как праздновать? Какой наша церковь должна стать после всего этого?

Эти вопросы связаны с более принципиальным: должна ли церковь ориентироваться на запросы людей или же, в первую очередь, на свою миссию, доверенную Богом?

Этот вопрос уже сам по себе может лишить нас чувства «стабильности», уверенности, комфорта. Мы ведь привыкли думать о церкви как о «нашей» церкви. Поэтому естественной реакцией людей является стремление оставить все как есть, то есть оставить ее приспособленной под свои нужды, привычки, ожидания. Но в условиях войны это уже невозможно.

Мы начинаем понимать, что церковь – это бесконечный кризис, что мы не были церковью вполне, что мы должны учиться быть церковью, проходя через бесконечную череду кризисов и обновлений.

Я все больше думаю, что внутри каждой церкви есть свой верный остаток, церковь в церкви. Эта церковь в церкви – основа всего. К сожалению, есть и потребители, которые приходят, требуют, сравнивают, уходят, переходят, но они не вправе диктовать свои ожидания и перестраивать церковную жизнь под себя.

Раньше, когда у меня спрашивали, сколько у нас членов, я отвечал не задумываясь, согласно статистике. Сейчас я не столь уверен. Сколько у нас членов? Я знаю цифры. А сколько из них приходят на ежедневные молитвенные встречи? Сколько из них могут сказать, что с началом войны их жизнь изменилась, что они каждый день живут как на войне, молясь, трудясь, сражаясь вместе с украинцами? Сколько будет таких? И где все остальные, что с ними не так?

Война ставит вопрос о том, что церковь должна переосмыслить себя и свою миссию в качестве церкви Христовой, в качестве страдающего и сострадающего Тела Христова.

В-десятых, мы увидели, к каким печальным последствиям приводят наивные толкования Писания относительно войны и мира, политики и власти.

Там, где на любой вопрос о зле и лжи, несправедливости и преступлениях власти отвечают, что «всякая власть от Бога» (очень вольная перефразировка и еще более вольное толкование слов из Рим. 13:1-7), там царит элементарная безграмотность в отношении Библии, вместе с культурой приспособленчества и человекоугодничества, рабства и страха. Стоит помнить, что «всякая власть» принадлежит только Иисусу Христу (Матф. 28:18), это Его слова о Себе, и ни о ком другом.

Там, где на любой вопрос о войне отвечают, что «церковь вне политики», имеет место полное непонимание власти Христа над миром вместе с безразличием в отношении к пострадавшему ближнему.

Там, где на просьбу о помощи отвечают, что «мы не знаем, что там происходит, но будем молиться о сторонах конфликта и наступлении мира», присутствует полный хаос в богословских и этических вопросах (слова «мы не знаем» нужно понимать как признание: «мы не знаем, как понимать и применять Евангелие в этой ситуации») и демонстративное нежелание разбираться, кто преступник, а кто жертва (стоит заметить, что при такой неразборчивости жертва остается без помощи, а преступник продолжает свое черное дело без обличения и наказания).

Как правило, «церковь вне политики» оказывается слепой и беспомощной относительно внешних влияний; некритично принимает все, что ей диктует власть (точнее, любой, кто способен захватить власть); становится удобным объектом для манипуляций. Поэтому церкви, где о войне предпочли молчать или же молиться «о мире на Украине», на деле оказались в плену советской/российской пропаганды.

К большому сожалению, позиций наших евангельских церквей относительно войны основана не столько на Писании и здоровой богословской традиции, сколько на стереотипах советского времени. Это прослеживается даже на уровне официальных заявлений, в них мы видим идеологические штампы прошлого, но также первые попытки избавиться от них и назвать вещи своими словами.

В «Обращении Комитета Северо-Запада Объединения ЕХБ США» (см. Приложение 1) мы находим слова о «неравнодушии», «скорби», «испытании веры» в связи с войной, но ни слова о том, кто на кого напал. Более того, призывая к молитве, руководители объединения не выражают никакой позиции и увещают других воздерживаться даже от новостей и разговоров по поводу возможной церковной позиции. Это

увещание – основной и самый сильный пункт в обращении: «Наряду с этим, будем хранить себя и удаляться от участия в спорах о политике; не станем вступать в полемику и оставлять комментарии в социальных сетях и на любых других интернет платформах по происходящим событиям; не станем осуждать друг друга по национальному признаку, помня, что мы братья и сестры в Господе; минимизируем время просмотра новостей, помня, что это не приносит нам пользы».

«Открытое обращение баптистских объединений и союзов США» (см. Приложение 2) преследует другую цель – не успокоить волнения и не остановить дискуссии, но направить их в нужное русло: «Нашим долгом является проповедь Евангелии Иисуса Христа, заступническая молитва о мире, осуждении греха и противодействии злу. Мы, как христиане, на основе учения Библии должны открыто выразить свою оценку событиям и поступкам».

Исходя из этой цели, руководители церковных объединений дают свою нравственную и духовную оценку событий: «Мы осуждаем открытую агрессию России против Украины... Это осуждается Словом Божиим как грех и квалифицируется как преступление против человечности».

Есть в этом заявлении и откровенно политический пункт: «Мы призываем проявлять свою гражданскую позицию и обращаться к властям США с просьбой оказания помощи Украине в противостоянии агрессии».

Обращение заканчивается призывом избегать «споров и конфликтов» и объединиться в «сострадании и помощи пострадавшим».

В этих двух документах видна разница между односторонним советским и более сбалансированным современным (и в то же время более библейским) подходами к теме политики, власти и войны. Очевидно, что попытки обойти тему войны, чтобы сохранить «братские отношения» между русскими и украинцами в славянских церквях, не приведут к желаемому результату. Сохранить или исправить отношения можно только при условии честности, открытости, правдивости, наконец, обычного мужества говорить, и говорить верными, понятными, не пустыми словами, говорить о обо всем, что болит, в том числе о «политике».

Итак, если мы понимаем церковь в миссиональном ключе, то церковь должна быть там, где в ней нуждаются. Послушная Христу, верная своему призванию, церковь находит себя в послании, движении, служении. Сегодня украинская церковь находит себя на войне. И все другие поместные или национальные церкви, которые готовы страдать вместе с Телом и служить вместе с Христом, также находят себя вместе с ней, на войне. Это касается и церквей диаспоры.

Что это значит на практике? Это значит пройти, что им (нам) предстоит пройти, как минимум, через десять переживаний военного времени:

- чувство растерянности и беспомощности перед невиданным масштабом зла;
- разрушительное и разделяющее влияние пропаганды;
- разделение между теми, кто «там» и «не там»;
- острый дефицит слов;
- кризис молитвы;
- ересь «евангелия умеренного процветания»;
- катастрофу в отношениях между соседями;
- ложные формы церковного единства;
- непонимание того, что значит быть церковью Христа;
- наивные толкования Библии в отношении «политики».

Эти переживания лишают нас покоя, но при этом напоминают о сущности и миссии церкви. Избегая этих вызовов, игнорируя зов украинских братьев и сестер о помощи, мы перестаем быть церковью. Проходя через трудности вместе с ними, мы учимся быть церковью – по настоящему единой, страдающей и сострадательной. Сегодня быть церковью означает быть церковью на войне.

Приложение 1

Обращение Комитета Северо-Запада Объединения ЕХБ США ко всем братским церквам*

Никого из нас не оставляет равнодушными происходящее в Украине, с великой скорбью мы наблюдаем как брат восстал на брата и льется кровь наших близких и родных.

В Писании мы находим следующие слова: «Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, - но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это - начало болезней. Но вы смотрите за собою...» Марка 13:7-9

Господь предупредил нас, что войны - это один из основных признаков того, что приближается день Его второго пришествия. Наверное, нам было бы намного легче, если бы воевали какие-то другие народы, но это ужасное горе постигло нас - славян, тех, кого связывают не только века общей истории, но и кровные узы. Эти события стали испытанием нашей веры.

Зная, что все это будет происходить, Христос наперед предупредил нас: «Но вы смотрите за собою...».

* <https://nwasbc.today>

В сложившихся обстоятельствах очень легко поддаться мыслям, чувствам и поведению, которые не принесут славы Богу.

Поэтому призываем вас:

Сохраняя упование на Господа взывать к Нему в молитвах зная, что «... рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать» Исаяи 59:1.

Будем просить:

- о скорейшем прекращении войны;
- чтобы Господь поддержал и дал покаяние всем, кто находится в страхе и не имеет живой веры в Бога;
- об исцелении раненых;
- об утешении тех, кто лишился родных и близких;
- об особой защите для поместных церквей и семей христиан.

Если вы еще не сделали в ваших поместных церквях день поста и молитвы, обязательно назначьте такой день и совершите общецерковную молитву.

Наряду с этим, будем хранить себя и удаляться от участия в спорах о политике; не станем вступать в полемику и оставлять комментарии в социальных сетях и на любых других интернет платформах по происходящим событиям; не станем осуждать друг друга по национальному признаку, помня, что мы братья и сестры в Господе; минимизируем время просмотра новостей, помня, что это не приносит нам пользы.

Подводя итог всему вышесказанному умоляем вас словами Апостола Петра: «Посему, братия, более и более старайтесь делать твердым ваше звание и избрание; так поступая, никогда не преткнетесь, ибо так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа». 2 Петра 1:10,11

С братской любовью:

*А. П. Чумакин, К. Л. Лиховодов, В. С. Бойко, И. В. Требушиной,
В. А. Гетьман, Е. В. Корчагин, С. В. Никитин, В. П. Костюкевич*

Приложение 2

Открытое обращение баптистских объединений и союзов США*

Начиная с 24 февраля, 2022 года, события на территории Украины являются указанием на скорый приход Иисуса Христа, подтверждая слова Святой Библии: «Вы же о войнах услышите, и о военных слухах,

* <https://www.pcsba.org/index.php/ru/news-ru/current-news-ru/1989-open-appeal-of-baptist-associations-and-unions-ru.html>

смотрите, не пугайтесь, потому что случиться следует тому. Но это еще не конец». (Мтф. 24:6)

Как в период мира, так и во время войны, нашим долгом является проповедь Евангелии Иисуса Христа, заступническая молитва о мире, осуждении греха и противодействии злу. Мы, как христиане, на основе учения Библии должны открыто выражать свою оценку событиям и поступкам. Учитывая сегодняшнюю ситуацию, мы осуждаем открытую агрессию России против Украины, обстрелы вооруженными силами России городов Украины, убийство военными России мирных жителей Украины: детей, женщин и пожилых людей. Сейчас в свободном доступе есть достаточно свидетельств обстрелов жилых кварталов. Это осуждается Словом Божиим как грех и квалифицируется как преступление против человечности.

Мы осуждаем войну, в которой уже погибли тысячи русских солдат, гибнут украинские воины, мирные жители, и особенно дети, подвергаются бомбардировкам Киев, Харьков, Мариуполь и другие города и села Украины, люди сидят в бомбоубежищах, уничтожаются больницы и школы.

Мы призываем в первую очередь церкви наших Объединений и Союзов, а также всех христиан, молиться Господу о прекращении агрессии и установлении мира в Украине.

Мы призываем проявлять свою гражданскую позицию и обращаться к властям США с просьбой оказания помощи Украине в противостоянии агрессии, а также усиления давления на правительство России в прекращении боевых действий и выводе войск из Украины.

Призываем христиан к проявлению сострадания и помощи пострадавшим в Украине. Также мы, как христиане, должны беречь мир в наших семьях и церквях, избегая споров и конфликтов на почве отношения к войне.

Призываем вас возвысить свой голос в молитве для защиты Украины, без страха проповедовать Евангелие Иисуса Христа, проявлять сострадание, прощение, доброту, любовь друг к другу и сохранять единство в теле Христовом – Церкви!

Ваши во Христе,
Роман Капран, Объединение украинских евангельских баптистских церквей в США
Павло Демяник, Западное объединение украинских баптистских церквей в США
Иван Милев, Тихоокеанское объединение баптистских церквей ЕХБ
Георгий Харлов, Русско-Украинский союз ЕХБ в США